

«ОБЫКНОВЕННЫЙ ТАЛАНТ».

/ М.М. ДОСТОЕВСКИЙ /

В.Г. Белинский совершенно справедливо заметил: **«бедна литература, не блистающая именами гениальными; но не богата литература, в которой все – или произведения гениальные, или произведения бездарные и пошлые. Обыкновенные таланты необходимы для богатства литературы, и чем больше их, тем лучше для литературы».**¹

Действительно, «обыкновенные таланты» – это та благотворная почва, на которой только и могут расцвести истинно «гениальные произведения». Исследование творчества так называемых «второстепенных» литераторов помогает прояснить не только общий фон, на котором действовали выдающиеся художники, глубже понять суть и истоки их творчества, но и определить самооценку и значимость писателей, составляющих этот фон, оригинальность и своеобразие их деятельности, что собственно, и является литературным процессом.

Одним из таких «обыкновенных талантов» является Михаил Михайлович Достоевский. Литература о М.М. Достоевском небогата. Несколько страниц в сборнике «Русская повесть XIX века», глава в книге В.С. Нечаевой «Ранний Достоевский. 1821-1949», да статья Инютина о повести «Господин Светелкин» посвящены М.М. Достоевскому - беллетристу. Беглое упоминание о его творчестве находим в работах, касающихся проблем изучения «натуральной школы»; несколько более подробно говорится о деятельности М.М. Достоевского как редактора и критика.

Между тем имя М.М. Достоевского известно и широкому кругу читателей, но в основном как имя брата и друга великого писателя Ф.М. Достоевского.

Действительно, очень недолгое время, всего четыре года (1848 – 1852), отданы были М.М. Достоевским непосредственно художественному творчеству. Несколько повестей, рассказ и пьеса составляют содержание его собрания сочинений в 2-х томах, вышедшего в свет только единожды в 1915 году. Естественно, что с творчеством писателя знакомы лишь литературоведы и любители изящной словесности XIX века.

В.С. Нечаева, отмечая незаурядность натуры М.М. Достоевского и бесспорную его талантливость, тем не менее склонна считать, что **«художественное творчество М.М. Достоевского не представляет значительного интереса само по себе», но может быть интересно для исследователей творчества «его гениального брата» и «как продукт явного влияния повестей Ф.М. Достоевского, но в некоторых случаях, - оговаривается исследователь, - и каких-то иных связей, ощущаемых в их созданиях».**²

Почти так же определяется роль литератора М.М. Достоевского и в коллективном труде «Русская повесть XIX века», где все-таки сделан акцент на том, что **«...он (М.М. Достоевский) внес свой, пусть скромный, вклад в развитие русской прозы 1840-х годов».**³

Если учесть мнение исследователей, обратившихся к личности М.М. Достоевского, эпоху, о которой идет речь, 40-е—начало 50-х годов XIX века, время господства «натуральной школы», занимающей центральное место в литературном процессе этого периода, - то представляется весьма оправданным обращение к одному из незаурядных участников этого процесса.

М.М. Достоевский после 1852 года уже не обращался более к художественному творчеству и тому может быть несколько причин, как объективного, так и субъективного характера.

Во-первых, важно известное свидетельство Федора Михайловича о том, что, несмотря на несколько повестей и рассказов, написанных братом, в которых «были признаки таланта», которые «хвалили», «успех, приобретенный им с первого раза, не соблазнил Михаила Михайловича. Всегда строгий и требовательный к самому себе и не признавая в себе решительного творчества, он перестал писать... Михаил Михайлович, по моему личному мнению, был уж слишком строг к трудам своим»⁴, — заключает Федор Михайлович.

Во-вторых, Михаил Достоевский, выступал с рецензиями и обзорами в «Отечественных записках» и «Пантеоне и Репертуаре», был великолепно знаком со всеми новыми произведениями, появлявшимися в эти годы, и, естественно, как никто, мог судить о своем творчестве. И, наконец, имя уже тогда знаменитого брата, обязывало ко многому. Вероятно, успех Федора Михайловича заставлял еще строже относиться к собственному творчеству. Вспомним: **«Впрочем, брат мой никогда и ни с кем не заговаривал сам о литературных трудах своих»**⁵

Тем более любопытно обратиться к годам литературной деятельности М.М. Достоевского, так недолго длившейся, но относящейся к одному из самых сложных и интересных периодов в истории русской литературы 1-й половины XIX столетия., взрастившей величайшие таланты отечественной словесности: Гончарова, Ф.Достоевского, Тургенева, Островского, Герцена, Некрасова.

Если первые произведения М. Достоевского создавались им в пору наибольшей близости с братом, то с 1849 по 1852 год он был в одиночестве: Федор Михайлович -- на каторге, кружок близких по духу людей распался, споры в литературе становятся все жарче, жизнь в России стремительно меняется. Материальное положение Михаила Михайловича оставляет желать лучшего, заставляет искать новые источники существования. М.М. Достоевский обращается к коммерции, где, впрочем, не достигает особенных успехов, но зато знакомится с иным миром -- миром деловых людей. В его творчестве намечаются перемены. С 1850 года он оставляет уже привычные для него образы чиновников, бедных делопроизводителей и обращается к новым темам, иным образам — мелкопоместному дворянству и людям «делового мира»

/повесть «Пятьдесят лет», «Старшая и меньшая», роман «Деньги» . комедия «Мать и мачеха» /.

В первых повестях М. Достоевского довольно легко прослеживается влияние Федора Михайловича, хотя и здесь есть много моментов, в чем-то спорных и любопытных, безусловно оригинальных.

Особенный интерес вызывает творческая история его повести «Пятьдесят лет». Она была опубликована в августе 1850 года в «Отечественных записках» и имеет видимые сходства, как в сюжетном отношении, так и в обрисовке некоторых образов , с повестью Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» , опубликованной в 1859 году в «Русском слове». Достоверно, что повесть «Дядюшкин сон» была задумана автором еще в 1855 году, а работал над ней Федор Михайлович в 1856-1858 годы в Семипалатинске, о чем неоднократно упоминается в его письмах той поры.

К истории создания этой повести обращались многие исследователи творчества Ф.М. Достоевского. Все они, так или иначе, отмечают, что «автор опирался на разнородные традиции, накопленные русской литературой в разработке этой темы», особенно отмечая литературные параллели с «Горем от ума» Грибоедова, «Графом Нулиным», «Евгением Онегиным» Пушкина, «Ревизором» Гоголя. Называются имена писателей – непосредственных участников литературного процесса 50-х годов: Островского, Писемского, Салтыкова-Щедрина.

Образы пушкинского «Евгения Онегина» ясно просвечиваются в повести Ф.М. Достоевского, о чем подробно и доказательно говорят многие исследователи. В.И. Кирпичников в 1903 году в статье «Достоевский и Писемский» прослеживает пушкинские мотивы в «Дядюшкином сне», особенно отмечая, что «Дядюшкин сон»--«этиюд» на тему пушкинской Татьяны. **«Он создает современную Татьяну в лице Зины,-- пишет автор, обращая внимание на заключительную сцену повести, где мы видим Зину женой сибирского губернатора,--конечно, женой верной и вполне достойной своего положения – прямо комментарий в повествовательной форме на последнюю часть «Онегина».**⁶ В.Г.Одинокое, говоря о «поэтике жанра» повести Ф.М. Достоевского, в статье 1980 года, так же подчеркивает «пушкинские мотивы», считая сюжетную схему финала повести, повторяющей заключительную встречу Евгения и Татьяны, «почти цитатой». Но здесь акцент сделан не столько на образе Зины—Татьяны, сколько на образе Мозглякова «Онегина-наоборот».

Гоголевские, щедринские темы, образы тщательно изучены, выверены исследователями – и нет сомнения в том, что перед Достоевским действительно вставала вся разнообразнейшая русская словесность, которая и послужила глубинным материалом для создания этого серьезного художественного произведения после долгого вынужденного молчания писателя.

Центральный образ повести «Дядюшкин сон» – князь К.— **«единственная серьезная фигура во всей повести», - по признанию самого автора,--вызвала закономерный интерес критики. Появились**

любопытные предположения по поводу прототипов героя. М.С. Альтман называет князя К. –«графом Нулиным Пушкина в старости», обращается к воспоминаниям А. Милюкова о Федоре Федоровиче Кокашкине – современнике Достоевского, находя и здесь некоторые схождения во внешней обрисовке этих характеров.⁷

Любопытны сведения, приведенные в сообщении Л.М. Лотмана и Г.М. Фридлендера «Источник повести Достоевского «Дядюшкин сон», адресующие читателя к журналу «Москвитянин» за июль 1853 года, где речь идет о молодящемся графе Генрихе, 73-летнем старике, образ жизни которого опять-таки во многом напоминает манеру поведения князя К.⁸

Привлекаются и биографические материалы из жизни Ф.М.Достоевского, связанные с его дядей Куманиным и опекуном Карепиным. Бесспорно, заслуживает внимания обращение в связи с этим образом к персонажам позднего Достоевского: Степану Трофимовичу Верховенскому, Карамзинову /»Бесы»./, Сокольскому /»Подросток.»./.

В.С.Нечаева, еще раз обращаясь к этой теме, ссылается на комментарии к полному собранию сочинений Ф.М. Достоевского, говорит о том, что в них приводится ряд литературно-исторических источников, которые могли послужить Достоевскому материалом при создании повести и справедливо замечает, что в комментариях «не упоминается о чрезвычайной близости сюжета и отдельных образов и эпизодов в повестях Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» и М. М. Достоевского «Пятьдесят лет».⁹

В работе В.С.Нечаевой прослеживаются определенные моменты сходства во внешней обрисовке «дядюшек», общность некоторых сюжетных линий, наконец, самой интриги. В заключение автор делает предположение о причинах такой «чрезвычайной близости сюжета», называя два варианта: во-первых, сюжет еще раньше был подсказан Федором Достоевским брату, а затем он сам вернулся к его разработке, и, во-вторых, Федор Михайлович, знакомясь в Семипалатинске с периодической прессой, прочел рассказ брата в августовском номере «Отечественных записок» за 1850 год и по-своему «**в какой-то мере использовал готовую канву, художественно включив в нее картину провинциального общества, трагический образ Зины, и характернейший образ князя К.**».¹⁰

Второе предположение, по-видимому, более реально, учитывая те материалы, которые нам известны по поводу литературных и исторических источников создания повести «Дядюшкин сон». Что касается первого, то оно представляется неправомерным хотя бы потому, что ни в мемуарной литературе, ни в эпистолярном наследии братьев Достоевских нет и намек на то, что эта тема интересовала Федора Михайловича в период его творчества 40-х годов.

Нам представляется интересной попытка проследить творческую историю повести М. Достоевского, учитывая его непосредственное участие в литературном процессе 40-х годов не только в качестве брата и ученика Федора Михайловича, но и как критика и беллетриста, тем более, что вопрос этот в литературоведении фактически не поднимался.

Как известно, братья Достоевские были дружны с детства, особенно близки и необходимы друг другу в юности. Письма их свидетельствуют об общности литературных вкусов, привязанностей. Имена Пушкина, Гоголя, Белинского одинаково дороги обоим и весьма авторитетны для Михаила, гораздо дальше в юности стоявшего от непосредственного общения с писателями, в кружок которых позднее ввел его Федор Михайлович.

С начала петербургской жизни Михаил Достоевский полностью отдается литературному труду и до конца жизни (с 60-х годов в качестве редактора журналов «Время» и «Эпоха») не оставляет этого поприща. Выступая в роли литературного обозревателя, критика, он так или иначе формирует свое понимание литературного процесса. Уже в 1848 году в статье, посвященной обозрению журнала за январь и февраль 1848 года, он четко формулирует: «...произведение тем выше, чем истиннее изображенная в нем жизнь, чем типичнее и общечеловечнее характеры (»Пантеон».1848.Кн.3.С.96). Разделяя принципы писателей натуральной школы, в первой своей повести «Дочка» (1848) он говорит о влиянии среды на формирование личности: «Хотя люди и разно развиваются, одна и та же среда, в которой им суждено всю жизнь свою двигаться, действовать, подводит, наконец их контуры под один уровень и устраивает для них несколько точек соприкосновения, в которых они встречаются друг с другом в желаниях, заботах, помышлениях, надеждах».¹¹

В своих повестях 48-49 годов писатель в различных вариантах пытается исследовать эту тему, учитывая опыт своего брата-писателя и единомышленников-литераторов. Критика в основном доброжелательно приняла опыты молодого писателя, особенно отметив удачу его «Господина Светелкина» и рассказ «Воробей». Нет сомнения в том, что после катастрофы 49 –го года, не оставив попыток художественного творчества, М.Достоевский по-прежнему был в курсе общественной жизни, литературной полемики, не утихавшей на страницах ведущих журналов. В журнале «Отечественные записки»/1849.№1/ появилась статья, где речь шла о двух повестях Ф.Достоевского («Слабое сердце». «Белые ночи») ,рассказах Тургенева, Майкова и рассказе «Иван Савич Поджабрин» И.А.Гончарова. Так как здесь же критик называет повести самого М.Достоевского /»Дочку» и «Светелкина» /, которые «согреты теплым чувством автора», совершенно ясно, что Михаил Михайлович внимательно ознакомился с этим обзором. В журнале «Современник» опять упоминается рассказ Гончарова и повести М.Достоевского. Рецензенты спорят по поводу значимости рассказа Гончарова, сопоставляя его с так на шумевшей в свое время «Обыкновенной историей», заставляя внимательного читателя обратиться к недавнему прошлому.

«Обыкновенная история», которой Гончаров так громко заявил о себе, вступив в литературу почти одновременно с Федором Достоевским, статья Белинского об этой повести, бесспорно, были хорошо известны Михаилу Михайловичу. Тем более, еще в 1846 году он читал в письме брата: «Явилась целая тьма новых писателей. Иные мои соперники. Из них особенно замечателен Герцен /Искандер / и Гончаров. Первый печатался, второй начинающий и не печатавшийся нигде. Их ужасно хвалят» /Письмо от 1 апреля

1846 г./ /»Обыкновенная история» была напечатана в «современнике» за 1847 г. в №3-4 /. Ясно, с каким интересом читали первое произведение Гончарова братья Достоевские, насколько внимательно отнеслись к статье Белинского. Три основные темы выделял в повести критик: р о м а н т и к а , вырастающего на основе паразитической жизни русского крепостнического дворянства; б у р ж у а –делового и деляческого в одно и то же время, и женщины, страдающей в золоченой клетке буржуазного комфорта.

Эти же темы актуальны и нынче, литераторов по-прежнему занимает проблема сопоставления двух характеров, двух типов человеческой натуры. **«Хори и Калинычи, Адуевы .старшие и младшие . множились и разнообразились в повестях, представляя людей практического разума и мечтателей в различных обстоятельствах, в различных слоях общества, в городе и деревне».**¹²

Новая повесть М. Достоевского «Пятьдесят лет» вполне относится к произведениям подобного рода, но с иными акцентами, своеобразными фигурами, таким характерным для его творчества юмором. Уже не Петербург, с его мрачноватым колоритом, вечным дождиком, шумными и равнодушными толпами людей, в которых так неуютно одиноким чиновникам, «маленьким людям», страдающим бедным «воспитанницам», а деревенская мелкопоместная усадьба Приютина, где действуют иные законы, где свои семейные тайны, где пышным цветом на фоне фруктового сада распускаются хитрые интриги, в центре которых – борьба за деньги.

Тема денег становится все более актуальной, все больше места занимает в жизни, а, следовательно, и в литературе.

Новые герои М. Достоевского несут в себе достаточно разнообразную смысловую нагрузку. Здесь и выживающий из ума, но еще недавно бывший достаточно заметным в деловом мире, все еще богатый дядюшка – Семен Семенович Блеклов, и хищница, сродни типам Н.А.Островского, баронесса Роненберг, и юная простушка Софи, и, наконец, два брата Гриша и Валентин.

Представляет интерес линия Валентина и дядюшки, прислушиваясь к разговорам которых, невольно вспоминаешь беседы другого дядюшки с племянником: Адуевых - старшего и младшего. Мотив практичного дельца и романтически настроенного, мечтающего о «высокой поэзии», «необыкновенной любви» молодого человека, ясно прослеживается в повести.

И.А. Гончаров подробнейшим образом рассказав о том, как несостоятелен оказался Александр со своими мечтаниями в суровом деловом Петербурге, отправляет разочаровавшегося юношу в деревню, в родную усадьбу. В финале перед нами совсем другой человек, напроць избавившийся от «романтических бредней», деловой, хваткий, который вправе судить своего учителя – дядюшку, и, вероятно, пойдет гораздо далее его по поприщу изобретательства и деловитости.

Как известно, Белинский не был полностью согласен с Гончаровым, считая финал романа не совсем удачным. **«Автор имел бы скорее право заставить своего героя загдохнуть в деревенской дичи в апатии и лени,**

нежели заставить его выгодно служить в Петербурге и жениться на большом приданном»,¹³ — предлагает критик один из вариантов эпилога «Обыкновенной истории».

М.М. Достоевский в своей повести как бы проигрывает именно этот мотив в жизненной ситуации своего героя-романтика. Его Валентин уже при первом разговоре с братом, как бы подводит черту под своими былыми мечтаниями.

--А что же...что же случилось с поэзией?—только и мог он /Гриша/ спросить его.

--Ты делаешь иногда презабавные вопросы, Жорж ,--отвечал ему на это Блеклов.

--Но, помилуй, Валя , из-за нее ведь ты и рассорился с дядей? Ты только и бредил ею , хотел быть художником , артистом? (II,11).

«Престранно» звучат вопросы брата для Валентина. Таков герой, вернувшийся через три года из Петербурга, куда обиженный непониманием , рассорившись с дядюшкой , уезжает с намерением добиться успеха на славном поприще искусства. Перед нами вариант Александра Адуева , но без каких-либо подробностей о петербургском периоде его жизни. Мы узнаем лишь о его столкновении со средой , нравственно подавившей , подчинившей его себе, заставившей оставить намерения об иной , более глубокой , осмысленной жизни. Это своеобразный вариант не вернувшегося в Петербург героя, Александра –до финала гончаровской «обыкновенной истории». Рассуждения Семена Семеновича и поучения Петра Ивановича во многом перекликаются. Вот только несколько примеров сентенций людей , жизнь которых «удалась», они «сами нашли себе дорогу», завоевали «карьеру и фортуна» и спешат поделиться своими жизненными наблюдениями

Семен Семенович Блеклов «Видел я много людей, у которых в молодости заиграла фантазия, вот и пошел мечтать, да, мечтать... Но чувствовать – не понимать, понимать – не разуметь, не создавать! Лезут вперед! Подумаешь – за облака уйдут, а глядь и споткнулись о первый камень». (I, 38). «Восторги, экзальтации – тут человек всего менее похож на человека и хвастаться нечем. Надо спросить, умеет ли он управлять чувствами: если умеет, то и человек»¹⁴,-- как бы вторит Блеклову Петр Иванович.

А Семен Семенович взывает к племяннику : «Одумайся! Брось это призвание, поэзию , искусство! Бог с ними! Сознайся-ка, что блажишь , что сам обманут, да и других втянуть в обман хочешь! Займись делом! Приноси пользу...» (11,68).

Вспомним пресловутые «желтые цветы» из «Обыкновенной истории» и вслушаемся в старческое бормотание Блеклова, обращенное к Валентину: «Будет время ,опадут золотые цветочки , разочаруешься! Скажешь , прав был дядя!» (11, 39).

А что же сам Валентин? ОН уже совсем не тот взбалмошный юноша, который бредил любовью и искусством, отвернувшийся три года назад от отеческих поучений дядюшки, и ему очень хочется предстать перед ним « в своей новой коже», «доказать дядюшке, что после трехлетнего отсутствия он

возвращается к нему молодым человеком другого покроя, человеком, примирившимся с жизнью ...одним словом, весьма положительным человеком».(1, 28). Другой человек, тоже ставший «весьма положительным», прикоснувшись к реальной жизни , Александр Адуев, пишет тетке из деревни: «К вам приедет не сумасброд, не мечтатель, не разочарованный, не провинциал, а просто человек, каких в Петербурге много и каким бы давно мне пора быть».¹⁵ Да, это уже иной Александр, вынашивающий грандиозные планы о деловой жизни, о женитьбе на богатом приданом. Да и для Валентина сейчас уже и деньги, к которым он тоже так свысока отнесся в свое время, не кажутся ему материей несущественной. Уже и «высокая любовь» легко сопрягается с достатком в будущем:

«Что касается до Софи, то он и теперь не прочь на ней жениться, тем более, что дядюшка наверно при сей счастливой okazji стукнет по своим карманам. Трехгодовая разлука, как видно, порядочно постерла в его памяти яркие краски с пленительного образа его первой любви...» (11.29).

И как новый финал, о котором говорил Белинский, как нельзя лучше, вырисовывается в перспективе будущая жизнь Валентина – и как тут не вспомнить любимого М. Достоевским поэта:

А может быть и то: поэт
Обыкновенный ждал удел.
Прошли бы юношеские лета :
В нем пыл души бы охладел.
Во многом он бы изменился,
Расстался б с музами, женился,
В деревне счастлив и рогат
Носил бы стеганный халат;
Узнал бы жизнь на самом деле,
Подагру б в сорок лет имел,
Пил, ел, скучал, толстел, хирел,
И ,наконец, в своей постели
Скончался б посреди детей,
Плаксивых баб и врачей.

Итак, романтизм Валентина, как и Александра,--низложен. Сейчас уже, судя по всему, ни дядя Блеклов, ни дядя Адуев-старший не будут иметь основания опасаться, что надгробная эпитафия их племянникам будет звучать так бесславно и уничижительно; **«Здесь лежит дурак в стихах и прозе».(11, 69).**

Как бы следуя за Гончаровым, прислушиваясь к Белинскому, оглядываясь на Пушкина, отдавая дань времени, М.М.Достоевский мотиву развенчания романтического героя отводит в своей повести одно из центральных мест, в отличие от Ф.М. Достоевского, который в конце 50-х годов в своей повести лишь слегка затронет эту тему.

Не последнее место в повести «Пятьдесят лет» отводится женским характерам, которые представлены двумя типами: Софи -- воспитанница С.С.Блеклова и баронесса Роненберг. Образ Софи не кажется нам столь

ординарным, как, мельком упоминая о ней, говорят некоторые исследователи, считая ее «еще одним повторением Женни, Наденьки, Лизоньки – девушек из ранних повестей М.М. Достоевского». ¹⁶

Портрет Софи действительно напоминает трафаретное описание Лизанек и Наденек : «... 18 лет, блондинка, с бирюзовыми глазками, ...она была резва как ртуть, любопытна как канарейка и болтлива как воробей» (11,14). Но далее портрет углубляется, образ девушки становится интереснее, своеобразнее, поэтичнее: «Она одарена магической силой – вносить вместе со своею особою, веселье и смех и заставлять любить себя, без малейшего усилия со своей стороны, не шевельнув для этого и мизинцем». (11, 14) Это не Софья «Обыкновенной истории», образ которой связан лишь с «желтыми» увядшими цветами, скорее – Ольга Ларина или будущая Марфинька из «Обрыва», образ которой уже создавался Гончаровым. Софи, конечно же, слабая тень, абрис этих великолепных созданий русских писателей. Но теплый, живой образ юной девушки, столь характерный для любой эпохи. Это будущая заботливая мать, верная жена, некорыстная, искренняя человеческая натура, непосредственная и чистая, живущая в неразрывном слиянии с окружающим миром.

Это как бы поэтическая догадка об образе, который через полтора десятка лет займет огромное место среди литературных героинь, о прелестной девушке, обаятельной, «не устаивавшей быть умной», и «одним фактом своего присутствия» умеющей сделать человека счастливым.

Баронесса Роненберг, как с игрушкой, обращающаяся с доверчивой Софи. Корыстная, властная, умная и хитрая особа – новый образ в творчестве М.М. Достоевского, образ, лишь начинающий занимать русскую литературу. Мельком, лишь дотронувшись до души юного и тогда еще пылкого Валентина, она сумела заставить его озлобиться и испугаться. Рассудительный, добродушный Гриша просто боится ее и ненавидит. Адам Адамычи льнут к ней, чувствуя силу и способность к любой подлости «корысти ради», а выживающие из ума, богатые «дядюшки» – вполне оправданные жертвы этих новых хищниц, так бурно плодящихся на благоприятной почве новых капиталистических отношений России середины века. Совсем скоро образы этих женщин займут важное место в литературе, особенно омерзительными представ в пьесах Островского.

В повести «Дядюшкин сон» Федор Михайлович тоже касается этой проблемы – его Мария Александровна Москалева – великолепнейший тип матери-хищницы, в действиях своих многим напоминающая баронессу Роненберг.

Образ Гриши (Жоржа) , представленный в повести, также лицо не случайное, с его появлением звучит тема, уже заявленная в литературе 50-х годов. Особенно ярко — повести «Скрипка» А.И.Кронеберга («Современник ,1850), где тщательно выписаны портреты двух друзей: чиновника-музыканта и праздного гуляки-игрока, где опять сильна антиромантическая тенденция.

Пройдет чуть менее года и образы Жоржа-Валентина в разных соотношениях, всевозможных вариантах заполнят страницы журналов :братья

Пыжовы в повести И.С.Юрьевой «Целковый» («Пантеон»,1851),сестры из повести Е.Тур «Две сестры» («Отечественные записки»,1851), особенно любопытна в этом плане повесть «Двойник» А. Чернова-Н.Д.Ахшарумова.

Итак, самый, казалось бы, незначительный персонаж повести М.М.Достоевского оказывается не случайным, а совершенно закономерным, если говорить об общих тенденциях развития повести начала 50-х годов. Федор Достоевский , рисуя в «Дядюшкином сне» своего Мозглякова, великолепно сумеет совместить эти два расхожих типа в одном лице, выделив и углубив характерные черты Валентина.

Сам же дядюшка –Семен Семенович Блеклов—яркий комический образ, выписанный с юмором, но и со злостинкой. Здесь явно чувствуются личные мотивы писателя : воспоминания о взглядах отца на занятия поэзией, совсем свежие впечатления автора об отношениях с Куманиным, о смерти Карепина, раздумья о жизни, которую прожил этот человек : **«Она ничтожна, жалка, смешна, карикатурна!...Дряхлый, старый, больной, с параличем, брюзга, капризный, по привычке он двигался, ел, пил, спал, бранился».** (11,,52.)— так говорит Валентин своему дядюшке, живописуя его недалекое будущее . Кстати, Семен Семенович в момент нашего с ним знакомства на страницах повести, не так уж и дряхл, и совсем еще не « в параличе» : «Много энергии виделось на широком, хотя и худощавом лице его», так что легко угадывается образ человека, вдохновившего М.М. Достоевского на изображение столь красочной и достоверной картинки из будущего его героя

Личные воспоминания автора от реальной, уже прожитой жизни своего бывшего опекуна, легко прослеживаются в трактовке образа дядюшки.

Семен Семенович действительно любопытная фигура в повести. Это не князь-аристократ, образованный и приобщившийся к европейской культуре в прошлом, каким предстает в «Дядюшкином сне» ныне дряхлый князь К. М.М.Достоевский рисует портрет человека делового, своей жизненной хваткой, деловитостью напоминающего опять-таки Петра Ивановича Адуева. Много «неудач и передрыг» претерпел в юности Семен Семенович. Без денег, без связей начинал он свою карьеру, но энергия дельца, предприимчивость, становящаяся необходимой в определенных кругах общества, помогли ему **«обрести удачу :..как будто золотая руда открылась перед ним, и счастье полилось за ним золотою рекою всякой благодати – червонцев, рублей, акций».** (11, 25). Все больше появляется «нужных человечков», умеющих сделать **«выгодное предложение»**, главное—во-время сориентироваться, и тогда—**«все вдруг переменяется, и жизни. и обстоятельства, и являются дорогие гости – денежки... и разные делишки, и жизнь начинает вырабатываться, вылупаться из разных скорлуп ... и становится гладенькою, кругленькою...».** (11 , 25).

Тема денег, делячества явно связана с образом Блеклова-старшего – это истинно «деловой» человек в прошлом, умевший **«выйти на ровную, торную дорогу»**, а **«передрыги и неурядицы переносил он... с твердостью предприимчивого человека»** (11, 26). Своей деятельностью предпринимателя он и составил себе немалое состояние, которое так волнует

Адама Адамовича и Елену Яковлевну Роненберг. Деловой человек, впервые о котором так подробно рассказал Гончаров, по определению писателей «натуральной школы» – это человек, прежде всего, не отрицающий существующего государственного

режима, более того, служащий ему, но ни в коей мере не забывая при этом собственных интересов. Такой герой встречается в повестях Кудрявцева, Панаева, конечно же—в произведениях Герцена и Салтыкова-Щедрина.

К 50-м годам этот тип героя-буржуа, накопителя, капиталиста занимает все более важное место среди других, прежних героев. Все больше юмора, вначале добродушного, затем все более едкого, элементы сарказма постепенно превалирует в характеристиках некогда положительных персонажей. Таковы герои Островского, Андр. Печерского, А.Ф.Писемского, А.Плещеева. Таков же и портрет С.С.Блеклова у М.М. Достоевского.

В этой повести углубились мотивы, лишь намеченные писателем в его «Господине Светелкине». Более пристально вглядывается писатель в «семейные тайны, в лица членов этих семейств, появляется тенденция к исследованию сложных внутрисемейных отношений, конфликтов, возникающих в связи с борьбой за деньги.

Эта тема станет центральной в последнем произведении М.М.Достоевского – незаконченном романе «Деньги», три главы которого под названием «Брат и сестра» вошли в собрание его сочинений.

Капитал, отношения, возникающие в обществе, где зарождается новый тип – буржуа, все большая власть денег, оказывающая влияние на жизнь в целом, калечащая, уродующая судьбы отдельных людей, вызывающая новое расслоение в обществе – вот круг вопросов, волнующих писателя в период работы над романом и комедиями «Мачеха» и «Старшая и меньшая» /1851/. Власть «золотого тельца» неизбежно приводит к моральной деградации, нравственной опустошенности – делает вывод писатель, вглядываясь в современную жизнь.

Все эти, только появляющиеся в новых условиях жизни, психологически не завершенные еще типы, новые образы, тонко подмеченные явления действительности – своеобразны и интересны в разработке М.М. Достоевского.

Пройдет десять лет и многое, до чего только дотронулся, что угадал М.М. Достоевский, то, на чем он остановился в своем творчестве, получит талантливейшее, глубочайшее продолжение, а во многом и завершение в творчестве его брата Федора Достоевского.

М.Е. Салтыков-Щедрин, с присущей ему наблюдательностью, отметит в статье, посвященной Л.П. Полонскому: **«Значение второстепенных деятелей на поприще науки и литературы немаловажно. Они полезны не только в качестве вульгаризаторов чужих идей, но иногда даже в качестве вполне самостоятельных исследователей истины. Очень часто от внимания инициаторов ускользают подробности весьма существенные, которые получают надлежащее развитие лишь благодаря их последователям. Эти последние дают новые подкрепления возникающим жизненным вопросам, проливают на них новый свет и отчасти даже видоизменяют их»**¹⁷

Как нельзя более кстати эта мысль Салтыкова-Щедрина отвечает нашему стремлению указать роль литератора М.М. Достоевского в литературе его времени.

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. : В 13 т. М., 1953 -1959. Т. 8. С. 379.
2. Нечаева В.С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М., 1979. С. 247.
3. Русская повесть XIX в. История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 315
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : В 30 т. Л., 1976. Т. 20. С. 123
5. Там же.
6. См. :Кирпичников В.И. Очерки по новейшей русской литературе. М., 1903. С.365
7. Альтман М.С. Эпизоды по Достоевскому. Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1963. Т. XXII. Вып. 6. С. 493-495.
8. См. : Из истории русских литературных отношений XVIII-XX веков. М.- Л., 1959. С. 370-375
9. Нечаева В.С. Ранний Достоевский. С. 254
10. Там же. С. 260
11. Достоевский М.М. Собр. соч. В 2 т. Пг. 1915. С. 15
(В дальнейшем ссылки даны по этому изданию с указанием тома и страницы).
12. Русская повесть XIX века. С. 369
13. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 71
14. Гончаров И.А. Собр. соч. : В 6 т. М., 1959. Т.1. С. 248
15. Там же. С. 257
16. Нечаева В.С. Ранний Достоевский. С. 257
17. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. В 20 т. Т. 19 М., 1970. С. 343